

ОДНАЖДЫ НА ДЕВИЧНИКЕ

16+

ЕКАТЕРИНА СЕРЕБРЯКОВА

Екатерина Серебрякова
Однажды на девичнике
Серия «Свадебный переполох», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66427486

SelfPub; 2021

Аннотация

Я была самой счастливой девушкой на свете, потому что через неделю должна была выйти замуж за, как мне казалось, лучшего мужчину. Но всё изменил мой девичник, после которого стало ясно: свадьбы не будет. Вот только произошедшее той ночью настораживает...

Екатерина Серебрякова

Однажды на девичнике

Утром, изнывая от жуткой головной боли, я кое-как оторвалась от подушки и придала телу вертикальное положение.

— Пить, – всё, что могла сообразить и сказать я в тот момент.

В горле сушило нещадно, к тому же подташнивало и скручивало живот не то от боли, не то от голода. Неужели я вчера так сильно перебрала?

— Проснулась? – в комнату вошёл Антон. Лицо парня выражало крайнюю степень недовольства, а руки провокационно то сжимались в кулаки, то разжимались.

— Тош, который час? И принеси водички, будь другом, – просипела я не своим голосом и упала обратно на кровать.

— Другом? Марго, ты в своём уме?! Да после случившегося даже мои внуки не будут друзьями твоим внукам!

— Чего? – мои глаза округлились от удивления, и в теле даже появились силы встать с дивана. – Антон, что ты такое говоришь? У нас же свадьба общая скоро, дети общие будут, ну и внуки, соответственно, тоже.

— В этом я очень сомневаюсь.

Ничего не объяснив, Антон вышел из зала. Несколько секунд я глупо хлопала ресницами и пыталась сообразить, что же произошло. Но пока в голове не всплывало ровным сче-

том ничего.

Заприметив на тумбочке бутылку с водой, я потянулась к ней, чтобы попить, но по пути рукой нечаянно снесла с журнального столика будильник и, кажется, уронила на пол телефон.

Вода несколько отрезвила меня, придала сил и уверенности по крайней мере на утренние разборки с моим женихом. А-то чего он какой-то бред несет? Это я с похмелья, а не он.

Антон не заставил себя долго ждать. Появился через несколько минут с новеньким макбуком, который я дарила ему на Двадцать третье февраля, в руках. Парень пару раз клацнул по клавиатуре и повернул гаджет экраном ко мне.

— Полюбуйся, невестушка, – последнее слово Антон произнес с особой спесью в голосе.

Подняв округлившиеся от недоумения глаза на жениха, я все-таки пересилила себя и уставилась на монитор.

Судя по всему, я смотрела на запись с камер видеонаблюдения из клуба, в котором отдыхала вчера с девчонками по случаю девичника.

Вот Лёлька наспор за минуту выпивает три “Секса на пляже”, вот Катерина ломает каблук, пока пляшет на барной стойке, вот Леся с ошарашенными глазами сбегает от полюбленного официанта. А вот и я...целуюсь с каким-то парнем.

— Тош.... – только и могу пробормотать, не до конца осознав увиденное.

— Что? И это самое приличное, что я мог показать тебе. Ту дрянь из вип-комнат я даже пересматривать не хочу! Как ты могла, Марго? Накануне нашей свадьбы....

Сжав от гнева челюсти, Антон хлопнул крышкой ноутбука и удалился из комнаты. А когда по щеке побежала одинокая слеза, я услышала стук входной двери. Ушёл.

Первые несколько минут я не могла даже плакать, потому что не понимала ровным счетом ничего. Как я могла изменить Антону за неделю до нашей свадьбы? Нет, этого просто не могло быть! Какая-то чудовищная ошибка!

С надеждой я кинулась к ноутбуку, чтобы пересмотреть запись с камер еще раз. Вдруг это не я? Вдруг кто-то просто что-то перепутал?

Вот мы болтаем с девчонками, веселимся, творим всякие глупости. Около нас вечно крутится полуголый официант и парень неподалеку. Кажется, поцелуй именно с ним произойдет несколькими минутами позже.

Парень, а скорее даже мужчина, одет в темные джинсы, белую рубашку. В его руках стакан не то с соком, не то с каким-то коктейлем. Он постоянно косится в нашу сторону, но не подходит, даже не осуществляет попыток познакомиться. А когда с ним начинает заигрывать Катерина, и вовсе отходит на несколько метров.

А потом девчонки расходятся кто куда: кто на танцпол, кто в дамскую комнату, кто к компании парней за соседним столиком. Я остаюсь одна и осуществляю попытку познако-

миться с наблюдателем.

Я что-то говорю, на записях не слышно, мужчина улыба-ется так по-доброму, посмеивается. Он не похож на того, кто будет затаскивать девушку в постель после пятиминут-ного знакомства в клубе. Но внешность, похоже, обманчи-ва.... Хотя....

Спустя всего несколько минут разговора, я набрасываюсь на него со страстным поцелуем, прижимая к барной стойке. Камеры отчетливо передают, что инициатором нашей близос-ти являюсь я, но никак не он....

А дальше запись обрывается. Видимо, там начинается та самая съемка из вип-комнат, которую Антон, наверное, уда-лил.

Боже, как я могла сотворить такую глупость? Это же во-обще на меня не похоже! Я выпила-то всего пару глотков шампанского с девчонками, а такая пьянющая на видео, как будто осушила ящик водки.

Да и Антона я люблю больше жизни, мне никто другой не нужен! Ну как я могла посмотреть на какого-то незнакомца из клуба? Дура, Господи, идиотка!

Ругая себя всеми известными мне проклятиями, я про-плакала больше часа. Попутно пересматривала запись с ка-мер, делая себе тем самым больнее и больнее. Но я этого за-служила. Так мне и надо, помучаюсь! Как можно было до-ставить Антону столько боли?

Когда слезы, как и любая другая жидкость в организме,

кончились, я заставила себя встать и словно тень отца Гамлета поплелась на кухню за новой бутылкой воды и, наверное, таблетками. Тройная порция аспирина – отличный завтрак после гулянки.

За несколько минут на кухне я принималась плакать еще пару раз. Когда увидела нашу с Антоном фотографию на холодильнике, когда нашла открытый любимый коньяк жениха. Даже выпил с горя....

Не имея больше физических сил плакать, я ушла с кухни в зал, завалилась на диван и набрала номер подруги. Идти в спальню, где было наше с Антоном семейное гнездышко, я просто не имела права!

— Леська, – простонала я в трубку, когда на том конце раздалось многозначительное “угу” подруги. – Я изменила Тоше.

— Чего?! – взвизгнула подруга. – Так, Даня, на тебе Кирюша. Накорми его кашкой и сам поешь. Не гундось, не гундось, это, в конце концов, наш общий ребенок!

Каждый раз, когда Лесья ворчала на своих домашних или нянчилась с маленьким Кирюшей, я умилялась ее семейному счастью. А теперь мне хотелось рыдать от горя и беспомощности, потому что свой шанс на счастливую семейную жизнь я вчера, похоже.... процеловала.

— А теперь спокойно и конструктивно.

— Он показал мне с утра запись с камер, где я целуюсь с каким-то парнем из клуба. Говорит, что потом в вип-комнате

я с ним.... В общем, свадьба, похоже, отменяется.

— Погоди рубить с плеча! Ты уверена, что на камерах ты? Мы ведь вчера все вместе были, я с тебя глаз не спускала. И на моих глазах ты ни с кем не целовалась, – Леська, хоть и была взволнована не меньше моего, виду старалась не подавать. За два года счастливого материнства она научилась опекать нас всех как собственных детей.

— В том то и дело, что на камерах точно я. Ты в туалет ушла, девчонки кто на танцпол, кто к парням каким-то. Как специально, честное слово!

— Ну и дела.... Ритуль, ты главное не переживай. У тебя Антон отходчивый, хоть и вспыльчивый. Сейчас побудет немного один, потом съездишь, извинишься, поговорите спокойно. Хотя может и не надо.... Он мне никогда не нравился.

— Лесь! – взмолилась я. – Я ж люблю его.

— Помню я, помню. В общем, не накручивай себя. Остыньте немного, а потом поезжай к нему. Подарочек может какой купи. Что он там любит?

— Когда ему не изменяют, – со вздохом ответила я.

Полдня я честно старалась успокоиться и выбросить из головы мысли о расставании. Ну оступилась разок, с кем не бывает? Хотя не бывает, не бывает с нормальными людьми! Измена – это низко, подло по отношению к любимому человеку. Изменник не достоин счастья и прощения!

Не хочу, не хочу, чтобы Антон меня прощал. Потому что

я и мое поведение его не достойны. Он заслуживает настоящего счастья с честной и порядочной девушкой. Извинюсь перед ним, в ногах валяться буду, прося прощения, но отпущу. Пусть он будет счастлив.

Выплакав за день весь запас слез, который у меня только был, к вечеру я без сил упала на диван и уснула то ли от усталости, то ли от эмоционального истощения.

Проснувшись утром, первым делом я заказала доставку какой-то супер крутой и дорогущей приставки, которую давно хотел Антон. Ну не с пустыми ведь руками ехать извиняться, правильно? А цветы и конфеты ему не подаришь, он не девочка.

В общем, папина кредитка заметно обеднела после моего заказа. Но ничего – для моего отца это сущие копейки.

Наша фамилия у всей небольшой области ассоциируется с бизнесом: сеть гостиниц, ночных клубов, фитнес-клубов, аренда помещений и прочие имущества. Развивать свое дело папа начал еще в девяностых, прославился тогда серьезным и непоколебимым бандитом.

Сейчас лихие времена, конечно, уже в прошлом. Отец законопослушный бизнесмен, исправный налогоплательщик. По крайней мере, так знаем мы с мамой.

Обеспеченность родителей, конечно, наложила некоторый отпечаток на моей судьбе: я могла себе позволить одеваться в лучших бутиках, училась в хорошем университете

на платном направлении, покупала дорогие подарки себе и близким.

Не могу назвать себя мажоркой, представителем золотой молодежи, но от финансов отца я не отказываюсь. Не дура ведь.

А после окончания института папа хочет передать мне сеть гостиниц, чтобы я могла работать по специальности и полноправно управлять семейным бизнесом.

Ближе к обеду, разузнав у друзей Антона, где придается депрессии мой женишок, я выдвинулась вымалывать прощения.

Добралась до квартиры знакомого Антона на личном спорт-каре, подаренном папой, я за считанные минуты. Сегодня я чувствовала себя достаточно уверенной и не мотала соплю на кулак.

— Антон, открой дверь, пожалуйста, – пропела я лилейным голосочком из подъезда. – Давай поговорим как взрослые люди.

— А, Марго.... – щелкнул замок, и входная дверь распахнулась, предоставив моему взору парня в растянутой белой майке с бутылкой коньяка наперевес.

Выглядел жених, мягко говоря, не очень. Щеки заросли черной щетиной, глаза покраснели то ли от слез, то ли от недосыпа, ноги подкашивались.

В очередной раз я почувствовала себя последней скотиной, которая так позорно и подло воткнула нож в спину са-

мому родному и близкому человеку.

— Тошенька, давай поговорим, – предложила я. – Хочешь, бульончика тебе куриного сварю? С лапшичкой.

— Да я твоей лапшой по горло сыт! Устал с ушей спать, – рыкнул парень, но в квартиру меня запустил.

Холостяцкая берлога одного из товарищей Антона пока не выглядела раздолбанной в хлам. В гостиной, конечно, уже валялись грязные носки и коробки из-под пиццы, но было терпимо.

Если Антон еще не обжился в этом месте, есть шанс вернуть его домой.

— Милый мой, я знаю, что очень сильно виновата. Мой поступок не может быть оправдан, такое поведение даже прощения не достойно! Но я не могу допустить, чтобы наши отношения закончились вот так.... Может быть, есть шанс поговорить, начать все сначала?

— Не знаю, Марго, не знаю.... Ты не представляешь, как больно получить нож в спину от тебя, – Антон отпил коньяк прямо из горла и вальяжно развалился в кресле, с лицом знающего философа глядя в окно. – Наши светлые отношения казались мне отдушиной в этом черством темном мире. Ты была моим лучиком света, надеждой на счастье. А теперь? Как я буду обнимать тебя, зная, что твои руки овивали чужое тело? Как я смогу целовать губы, которых касались чужие пальцы? Как я смогу лечь в нашу кровать, в наше семейное гнездышко, зная, что ты лежала с другим?

— Тошенька.... – Я снова не смогла сдержать слез, глядя на своего любимого мужчину, который испытывал столько боли из-за меня. Хотелось забрать у него хоть капельку того, что он чувствует сейчас. – Господи, Антон, я ненавижу себя за тот вечер, слышишь, ненавижу! Я не представляю, как это могло случиться, – мой голос переходил на крик. – Я практически не пила, всего пару глотков шампанского. Да у меня за полгода наших отношений и мысли не было не то что изменить, глянуть в сторону другого мужчины! Я же люблю тебя, люблю, мой хороший.

— Марго, уйди, – тихо попросил он. – Мне сейчас тяжело. Я хочу побыть один.

— Да, любимый, конечно. Я вот тебе привезла подарок. Хотела перед свадьбой подарить, но раз уж так.... – соврала я и протянула парню приставку. – Тебе если вдруг что-то понадобится, ты звони сразу.

— Хорошо. И спасибо за подарок. Я приму ее, но не думай, что куплюсь за какой-то кусок железа! Мое доверие к тебе стоило гораздо больше.

Кое-как сдерживая рвущиеся наружу эмоции, я выбежала из квартиры. Только оказавшись в салоне автомобиля позволила себе вновь вдоволь поплакать и облить себя грязью с головы до ног.

Дрожащими руками я набрала номер Леси и слезно попросилась в гости, потому что в стенах некогда нашей с Антоном квартиры я бы просто не выдержала в одиночку....

Вообще квартира была моя. Точнее, мне подарил ее папа на восемнадцать лет. Но я там не жила, потому как предпочитала находиться рядом с мамой и папой в их коттедже. Но полгода назад, когда познакомилась и начала встречаться с Антоном, почти сразу переехала.

Наши отношения развивались так стремительно, что буквально через несколько недель мы съехались и стали называть эту просторную двухъярусную квартиру нашим семейным гнездышком.

Леся с радостью пустила меня в гости, потому как понимала мои эмоции как никто иной. Она вообще была очень чуткой и замечательной девушкой, готовой поддержать и прийти на помощь в любую минуту.

— Простите, я с пустыми руками, – честно призналась я с порога, снимая шарф и пальто.

— Прекрати! Мы прекрасно понимаем, что ты сейчас не о гостинцах думаешь. Проходи давай.

В гостеприимном доме Лесиной семьи всегда вкусно пахло домашней едой, детским печеньем и чем-то отдаленно напоминающим лаванду. Их квартира ассоциировалась у меня с гармонией и счастьем.

Вот и сегодня подруга пекла какой-то пирог, пока ее мужчины игрались на интерактивном коврике у нее под ногами.

— Тебе, может, налить? – поинтересовалась Леся.

— Нет, не надо. Выпила уже один раз. Так выпила, что жениха.... – я хотела ругнуться, но, глядя на маленького Ки-

рюшу, сдержалась. – профукала, в общем.

— Рит, ну я не верю. Ты ж была трезвее трезвого вроде. Да и в неверности никогда замечена не была.

— Да в том-то и дело.... – покосившись на мужа с сыном, Леся одним взглядом отправила их из кухни в комнату, тем самым предоставив мне свободу слова. – Понимаешь, я ничегошеньки не помню! Как будто пустота вместо этого момента. Мы выпили чуть-чуть, помню девчонки начали веселиться, ты ушла в уборную, а потом все. Воспоминания обрываются. Сколько бы не смотрела, я не могу вспомнить этого парня, не могу вспомнить нашего поцелуя. А секса и подавно не помню. У меня вообще нет ощущения, что он у меня был. Я проснулась дома, в своей одежде, в трусах. Ничего потеряно и разорвано не было. Это странно.

— Странно не странно, а записи с камер я верю больше, чем твоим пьяным воспоминаниям. Антон как реагирует на это?

— Он очень подавлен.... Пьет у друга на квартире, видеть меня не может, видно, что переживает.

— Этот придурок и переживает? – на кухню с пустой детской бутылочкой вошел Даня. – Да я больше переживал, когда твоя собака умерла, чем он. У него из всех человеческих чувств только два: похмелье и любовь к себе.

— Даня! – Леся прикрикнула на мужа, но тот останавливаться не собирался.

— Что Даня? Он же объективно ею пользовался полгода!

Ею, финансами ее отца, квартирой ее отца и возможностью не работать. Альфонс.

— Он любит меня, – тут же парировала я.

— Он любит только себя, Рит. Он даже не может запомнить, что ты ненавидишь, когда тебя называют Марго. А это даже я помню.

— Ему просто нравится это имя.

— Тебе просто нравится его оправдывать, – подытожил Даня и вместе с подзатыльником от жены удалился с кухни.

— Ритуль, не слушай его. Мы к Антону, правда, скептически относимся. Но это уже наши заморочки. Главное, чтобы ты была счастлива, а с кем – не важно.

— Спасибо, – я крепко обняла подругу. – Можно мне чаю?

— Конечно. Сейчас с ромашкой заварю. Данька сам в деревне собирал. Ты что планируешь дальше делать?

— Попрою чай, схожу у вас в туалет и поеду домой, – Леся глянула на меня со всей строгостью и серьезностью. – Не знаю я. Завтра к нему еще раз съезжу. Если ничего с мертвой точки не сдвинется, поеду сознаваться родителям. Свадьбу отменять надо.

— Еще неделя есть. Может помиритесь?

— Да я бы сама себя не прощала, Леся, – честно призналась я, отпивая ароматный чай.

Поскольку за два дня я не ела ровным счетом ничего кроме аспирина и воды, Леся заставила меня остаться на ужин

и накормила супом с отменным пирогом. Что-что, а кулинарить подруга умела.

Дома у Леси мне стало немного легче. За столом под незатейливые разговоры я чуть-чуть расслабилась, перестала терзать себя мыслями. А потом, повозившись с часик с Кирюшей, и вовсе впервые за несколько дней улыбнулась.

Как бы мне хотелось иметь вот такую крепкую и дружную семью....

Утром следующего дня после приезда доставки продуктов, я взялась за дела кулинарные. Решила наготовить Антону вкусной домашней еды, чтобы он вспомнил обо мне с теплой улыбкой.

До самого обеда пекла пирожки, жарила котлеты, варила суп. Повар из меня, прямо скажем, не лучший, но есть мои кулинарные шедевры можно. В конце концов, я ж с любовью.

В полдень на машине я поскорее неслась к Антону, чтобы успеть доставить еду еще теплой.

Хорошо, что мужчина оказался дома и довольно быстро открыл мне дверь, пропуская в квартиру. А-то соседские бабушки уже косо стали поглядывать на меня, заподозрив что-то неладное.

— Тош, я тебе тут еды домашней привезла. Пирожки вот, супик, котлетки, драники твои любимые. Еще даже не остыло. Садись, покушай, а-то ведь одной заказной едой, наверное, питаешься.

— Вот знаешь ты, Марго, как к моему сердцу подобрать-ся! – сказал он, забирая еду из моих рук. Странно.... раньше он все больше по ресторанам любил ходить, чем домашнее есть.

Антон уплетал мои кулинарные шедевры, пока я крутилась вокруг, подрезая то хлеба, то зелени. Пыталась не расплакаться ненароком, чтобы не разрушить возникшую идиллию.

— Может чайку сделать? Он пока заваривается, я в магазин за сладеньким сбегаю. Медовик твой любимый куплю.

— Не нужно, Марго. Посиди со мной, – парень указал на соседнюю табуретку, и я покорно присела. – Я ж скучаю по тебе! У меня сердце наружу рвется как скучаю! Хочется плюнуть на все, схватить тебя в объятия, расцеловать, в волосы твои светлые уткнуться....

— Тошенька, – пролепетала я.

— Не надо. Не могу я пока. Больно на душе.

— А что мне сделать, чтобы тебе не было так больно? Как мне вернуть твое доверие? – на тот момент я была готова хоть кукарекать в кабинете правительство, хоть по дну океана пешком пройти, лишь бы вымолить прощение.

— А вот не знаю я! Если прощу я тебя, выходит, что доверяю. А как мне понять, что ты меня любишь, что доверяешь мне, что готова делить горе и радость, бедность и богатство? Чем ты таким со мной можешь поделиться, чтобы и духовно заверить и юридически?

— Юридически? – уточнила я с долей сомнения. – Так у меня ж нет ничего.... Только квартиру с машиной папа подарил и гостиницу обещал передать.

— А говоришь нет ничего. Так сильно ты меня любишь, чтобы сказать, что наше это все? Не твое, не отца твоего, а только наше с тобой, нашей семьи будущей.

— Готова, конечно, Антоша! Я же тебе доверяю сильнее, чем себе. Хочешь, прямо перед свадьбой документы оформим, что имущество все наше общее?

— Не знаю я.... Это вины с тебя, конечно, не снимет, но я пойму, что ты меня по-настоящему любишь, что делить со мной все готова. Я ж тебя тоже люблю больше жизни!

— Тошенька! – я кинулась парню на шею, но он выставил руки вперед и помотал головой.

— Рано, Марго. Не могу я пока, время дай.

— Конечно, конечно, – я засуетилась по кухне, пытаюсь собраться с мыслями. – Ты отдыхай, приходи в себя, а я прямо завтра к папе поеду, чтобы все вопросы с имуществом уладить. Тебе, может, что-то купить нужно или в квартире прибраться?

— Ничего не нужно, иди. Не могу смотреть я на тебя, поцеловать хочется! – смущенно улыбнувшись, я пошла из кухни, но была поймана за локоть.

Антон быстрым движением поцеловал меня в губы, но тут же осекся и, развернувшись, попросил уходить.

Буквально паря на крыльях от счастья, я побежала во

двор, где оставила свою машину.

Хотелось кричать и радоваться от осознания того, что появился маленький шанс на спасение нашей любви. Антон у меня все-таки самый лучший! Несмотря на все сложности, он смог найти в себе силы простить меня.

Наверное, я стала любить его только сильнее, начала с еще большим трепетом дорожить тем, что есть между нами.

— Лесь, – по пути я сообщала подруге радостные новости. – Появился шанс на мир!

— Серьезно?! Ну круто! А что ты такого сделала? – вперемешку с детскими кряхтениями раздавался голос Леси.

— Да ничего я не сделала. Это все Антон! Он у меня такой понимающий, такой хороший. Сказал, что любит, что без меня ему тяжело, что готов простить. Я только завтра бумаги кое-какие подпишу и все.

— Какие еще бумаги? – голос подруги моментально стал ледяным и строгим.

— Да ерунда! Что квартира, машина и гостиница, которые мне папа подарил, это все наше. Ну это же после свадьбы все равно нашим станет!

— Рита, дура, ты что такое говоришь?! Даня, иди сюда! Эта ненормальная хочет все свое имущество переписать на женишка.

— Чего?! – раздалось на заднем плане, и на экране телефона высветились два взволнованных лица. – Рита, тебе твоя любовь совсем голову вскружила?

— Вы чего кричите? Мы же женимся, помните? Семейей станем, у нас все будет общим.

— Слушай, вам в институте вроде право должны преподавать. О разделе имущества ничего не говорили? В случае развода на данный момент все достанется тебе. Потому что имущество было приобретено до брака. А если все общим сделаешь, то и делить пополам придется.

— Ребят, да не собираемся мы разводиться, мы же любим друг друга.

— Лесь, ты где эту дуру наивную откопала? – с явным раздражением спросил Даня. – Рита, алё! Здравый смысл там найди у себя. Или ты его за эти два дня тоже выплакала?

— Ритуль, ну Даня прав. Мы с ним до брака год встречались и всю жизнь знакомы были. И то у нас брачный договор на случай развода. А ты сейчас говоришь непростительные глупости.

— Радует одно – Владимир Антонович адекватный человек. Он ни в жизнь не позволит отдать все этому идиоту. К тому же, он ему тоже не нравится, – пожав плечами, Даня с сыном на руках удалился из кадра.

— Лесь, ну ты хоть меня поддержи, – взмолилась я, глядя на подругу.

— Не, Рит, я не только не поддержу, я отцу твоему звонить буду в случае чего. Любовь любовью, а дела финансовые нужно держать отдельно от дружбы и брака. Ты еще подумай немного, статьи разные почитай, а мы потом с тобой

вечером созвонимся еще и все спокойненько обсудим.

Кивнув подруге, я отключила звонок и устало потерла переносицу. Вот же, блин! Только нашла способ помириться, как меня обломали.

Немного остыв за время дороги, я и впрямь поняла, что отдавать половину своего имущества Антону слишком глупо. Нет, в нем я ни в коем случае не сомневалась! Но, знаете, мошенники там, несчастные случаи....

В общем, голова дымилась, а сердце рвалось на части. С одной стороны, я была готова отдать все деньги мира, лишь бы вернуть доверие Антона. А, с другой, это ведь не мои деньги, а деньги моего отца. Имею ли я право швыряться ими налево и направо?

Поговорив вечером с Лесей еще раз, я решила, что обсужу этот вопрос с отцом. Может быть, он будет вовсе не против, если его гостиницами будем владеть мы с Антоном? Все-таки мужчина у руля надежнее, чем женщина.

Надеявшись на мудрость своего отца, вечером я мирно уснула в ожидании нового дня.

К девяти утра, как говорится, с первыми лучами солнца, как любит мой отец, я отправилась к нему в офис, предварительно наведя марафет. Надела лучший брючный костюм, забрала волосы в высокий хвост и наложила еле заметный макияж.

Папочка у меня был очень организованный человек, по-

этому не терпел нарушения дресс-кода на работе даже в том случае, если приходила его собственная дочь.

Офис отца, где он обычно заседал и возился со всеми бумажками, находился на последнем этаже самого высокого здания города. Из местных кабинетов открывались шикарные виды, а лифты до сюда ехали почти минуту.

— Я к отцу, – бросила дежурную фразу, проходя мимо охранника, который фиксировал все приходы и уходы посетителей. Безопасность тут превыше всего. У папочки даже мухи посчитаны!

Пройдя по длинющему коридору как по подиуму, я добралась до нужной мне двери с красивой табличкой “Северцов В. А.”. Постучала дважды и, не дожидаясь ответа, вошла в кабинет.

Папа с буднично серьезным выражением лица сидел в своем кожаном кресле и смотрел на экран монитора поверх стильных очков в тонкой оправе.

В свои шестьдесят мужчина не выглядел даже на сорок пять. Папа был широкоплечий, загорелый, с ровной улыбкой и идеальной прической из густоющих темных волос, сквозь которые только-только начинала пробиваться седина.

— Рита? По какому вопросу пришла моя любимая дочь? Я думал, что девушки в твоей ситуации разъезжают по ресторанам или выбирают цвет скатерти с дизайнером, – отец откинулся на спинку кресла и жестом предложил мне присесть напротив.

— Доброе утро, папуль, – перегнувшись через стол, я поцеловала отца в щеку и села на стул, нервно потирая колени. – У меня к тебе очень серьезный и очень неприятный разговор. Можно мне тридцать минут твоего времени?

— Для тебя хоть час, дорогая. Что стряслось? – папа встал с кресла, застегнул пуговицу на пиджаке и ровным шагом прошел к стулу напротив меня.

— Ты только не волнуйся и не кричи, хорошо? Можешь даже налить себе, – не дождавшись ответа, я встала со стула и подошла к шкафу, где отец хранил алкоголь. Плеснула ему в бокал немного виски, сама понюхала алкоголя для храбрости и наконец присела на свое место. – В общем, я изменила Антону.

Выпалив признание на одном дыхании, я боялась даже открыть глаза. Не могла представить, что сейчас скажет и сделает отец.

Но папа, на удивление, молчал. А когда я посмотрела на него одним глазом, увидела, что он даже рад. Улыбается вон, хитро щурится.

— Я была в клубе на девичнике с подругами. Выпила немного, Леся контролировала, но почему-то ничего не помню. А потом утро, Антон, запись с камер видеонаблюдения... – продолжать я не стала, и так ведь все ясно.

— Ну что могу сказать, дочь.... Конечно, измена – это плохо. За это и тебя стоит наругать, и тому, с кем ты там в клубе.... первичные половые признаки оторвать и через ротовое

отверстие по ЖКТ пустить. Но ты знаешь мое отношение к твоему бывшему хахалю. Так что я в какой-то степени даже рад.

— Папуль, нет, нет, ты не понял. Он готов меня простить, – а вот тут отец вмиг стал серьезным и свел брови.

— Как это? Ну допустим. А зачем тогда ты мне это все рассказала? Как ребенку показала конфетку, а потом отобразила.

— Ну пап! Антон хочет быть уверенным, что я его люблю, что буду верна ему, что не предаю, – я нервно теребила пиджак, не зная как сказать о самом главном. Нужно было хоть речь какую-то написать что ли.

— Мне не нравится начало, Рит. Если он не уверен, что ты его любишь, на какой хрен жениться? – папа отпил виски из бокала и непонимающе дернул плечами. – Как этот тип хочет убедиться в твоей любви?

— В общем, он хочет, чтобы у нас все было общее. Дети там, планы, бюджет, имущество...

— Что ты сейчас сказала?

Папа встал с кресла и сделал шаг ко мне, от чего я вжала голову в плечи. Выглядел он если не угрожающе, то очень и очень недружелюбно.

— Ну после свадьбы у нас же все равно все будет общим, – с улыбкой на лице попыталась оправдаться я.

Наверное, отец бы растерзал меня живьем прямо в своем кабинете, если бы не спасительный стук в дверь, раздавший-

ся очень вовремя.

Не дожидаясь ответа папы, посетитель открыл дверь и прошел внутрь.

— Владимир Антонович, у меня важная информация. Это о Вашей дочке... – не договорив, мужчина оторвал глаза от бумаг и удивленно уставился на меня. – Здравствуйте, Маргарита Владимировна. Я, наверное, попозже зайду.

Мужчина уже собирался уходить, но отец остановил его одним злобным рыком и заставил вернуться на место.

— О какой еще дочери и какая у тебя информация? А, Саша?

Саша.... В моей голове никак не всплывал образ этого мужчины. Складывалось ощущение, что где-то я его уже видела, но никак не могла вспомнить, кем он является отцу.

Может быть, коллега? Или какой-нибудь богатый клиент, а может инвестор?

Мужчина лет тридцати был стильно причесан и гладко выбрит. Его правильные черты лица и карие, почти черные, глаза завораживали и приковывали взгляд. На спортивной фигуре хорошо сидел классический костюм в синюю клетку, из-под которого виднелась белоснежная рубашка.

— Рит, это мой помощник и моя правая рука. Александр Яковлевич. Тебе можно просто Александр, – протянув руку в знак приветствия, я вдруг будто прозрела.

— Папа, это же он. Это с ним я изменила Антону в клубе! Не успела я как следует убедиться в своих догадках, как

папа технично ударил мужчину по лицу, кажется, сломав ему нос.

Александр даже не пискнул. Только склонил голову, зажмурил глаза от боли и схватился левой рукой за окровавленную часть тела.

— Как ты посмел коснуться моей дочери?! – рычал отец. – Воспользовался маленькой пьяной девочкой! Ты, дрянь последняя, будешь на помойке гнить вместе с голубями!

Папа замахнулся, чтобы ударить еще раз, но я преградила ему путь, прикрыв Александра своим телом.

— Папа, успокойся! Он ни в чем не виноват. Это я полезла целоваться, на видео отчетливо видно. Наверняка и секс был по моей инициативе. Он не виноват.

— Хочу заметить, – из-за моей спины подал голос Александр, который уже успел зажать нос салфеткой, – что никакого секса между нами не было.

— Как не было? – синхронно спросили мы с отцом.

— А с кем я тогда переспала в ту ночь в клубе?

— Ни с кем.... Я следил за Вами весь вечер, а после того поцелуя отвез домой.

— Как домой? – снова в унисон раздался наш с папой вопрос.

— Ну вообще-то я пришел, чтобы рассказать об этом, – Александр подал отцу папки с какими-то бумагами и сменив салфетку, продолжил говорить. – Антон хочет подставить Вашу дочь. Точнее, подставил. Я пробил все его разго-

воры, переписки, встретился с несколькими поделщиками и узнал много всего.

— Ну рассказывай, раз узнал, — спокойно, как ни в чем не бывало, сказал отец и присел в свое кресло. Я, все еще ничего не понимая, посадила Александра на стул напротив и направила уши.

— В общем, он инсценировал измену. Посредством какого-то подставного человека в клубе подсыпал в Ваше шампанское афродизиак и средство для ускоренного опьянения. Заранее договорился с тем, чтобы получить записи с камер видеонаблюдения, а потом просто включил актерские данные. Готов поспорить, что видео самого процесса измены Вы не видели.

— Нет, Антон сказал, что не мог это пересматривать.... Я подумала, что он удалил этот кусок.

— Нет, удалять там было нечего. Готов поклясться, что кроме поцелуя у нас ничего не было.

— А какого же хрена ты, сукин сын, дочь мою целовал? Ты же клялся, что и пальцем ее не тронешь, — лицо отца выражало негодование и злость. Почему он вообще так недоволен, что мы поцеловались? Нет, это не хорошо, конечно, но ведь могло быть и хуже.

— Извините, Владимир Антонович, я... не сдержался.

— Пап, да это я его поцеловала, я ж тебе говорю! Там на записи видно, что я первая накинулась, а он сразу отстранился, — я не оправдывалась, а говорила чистую правду. В

конце концов, невиновный человек не должен страдать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.